

Собственно, аргументация Винкельмана подается в сильно сокращенном виде — de facto на с. 19–23 дан коллаж отдельных переведенных отрывков со следующих страниц Гюберова перевода «Истории искусства древности»: с. 3, 4, 15–16, 17, 18, 20–21 При этом Чекалевским опущено все, что Винкельман писал об особенностях государственного устройства Древней Греции и о той решающей роли, которую сыграла личная свобода граждан в отношении развития искусств.

Охарактеризовав в заключении введения искусство Нового времени в самых общих чертах, Чекалевский начинает раздел о скульптуре с изложения идеи Винкельмана о происхождении ваяния, одной из наиболее важных в общей концепции немецкого мыслителя.

«Художество началось простым образованием предметов из глины и, следовательно, некоторого рода резьбою; ибо из мягкого вещества гораздо легче можно сделать какое-либо подобие, нежели начертать оное на плоской поверхности; почему и вероятно, что скульптура прежде возымела бытие свое, нежели живопись».⁷⁶

После нескольких общих суждений Чекалевский пытается определить то, как живописцы и скульпторы должны создавать прекрасное, что побуждает его подобно Д. А. Голицыну изложить концепцию Винкельмана об идеальной красоте:

«Самые благороднейшие и важнейшие работы, какие только разум скульптора произвести может, должны состоять из точного изображения разных действий естества, то есть чтоб воображаемая красота как в скульптуре, так и в живописи была избрана из красоты, существующей в естестве, рассеянной на разных бытиях вселенная; и так разные части сей красоты должно художнику чувствовать, избирать, соглашать и вымышлять иногда для составления такой фигуры, какова, например, Аполлонова, или для расположения какого-либо сочинения, как то мы видим в смелых произведениях Лафранковых, Корреджиевых и Рубенсовых, где естество служит основанием искусству воображаемой красоты...»⁷⁷

Как уже указывалось выше, Чекалевский, следуя Винкельману, на него по большей части не ссылается и имени его не упоминает, но в двух случаях, когда речь заходит о знаменитых описаниях (Аполлон Бельведерский и Лаокоон), он четко отделяет свой текст от цитируемого В целом русский сочинитель точно следовал французскому тексту (лишь в описании Лаокоона опущена фраза) и несмотря на мелкие неточности на лексическом уровне,⁷⁸ верно и неплохим стилем предста-

⁷⁶ Чекалевский П. П. Рассуждение о свободных художествах С 39

⁷⁷ Там же С 42

⁷⁸ Ср «sublime» — «самая непревосходнейшая», «Пренебрежение видимо на устах его, гнев познается по ноздрям и бровям его » — «Le dedain siege sur ses levres, l'indignation qu'il respire gonfle ses narines et monte jusqu'a ses sourcils», «руками Пигмалиона» — «ciseau de Pigmalion», «Сии черты, слегка мною назначенные » — «Les traits que je viens de crayonner », «Страдание купно с презрительным гневом, возбуждаемым невинностью его, познается по носу его и по ноздрям, расширенным и вверх поднявшимся» — «La souffrance, mêlée d'indignation sur injustes châtimens, remonte jusqu'au nez, le gonfle et eclate dans les narines elargies et exhaussees» (*Winckelmann J Histoire de l'art de l'antiquite Vol 3 P 8*) Справедливости ради необходимо отметить, что французский перевод Гюбера в высшей степени близок немецкому оригиналу